

DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-190-184-190
УДК 93/94

Материальное положение студенчества в раннесоветский период

Юлия Андреевна МИКУЛЕНОК

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
117418, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4231-3016>, e-mail: AK-bara@yandex.ru

The financial position of students in the early Soviet period

Julia A. MIKULENOK

The Russian State University of Justice
69 Novocheremushkinskaya St., Moscow 117418, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4231-3016>, e-mail: AK-bara@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрено материальное положение студентов советских вузов в 1920-е гг. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к истории повседневности, в частности, студенчества в 1920-х гг. Основными подходами к изучению данной проблемы послужили теории психологического развития, жизненного мира и социального взаимодействия. В первое десятилетие после Октябрьской революции была проведена реформа высшей школы, ведущую роль в которой должно было сыграть пролетарское студенчество, поэтому с 1918 г. нуждающимся студентам оказывалась материальная помощь (стипендии, пайки, предоставление мест в общежитиях и др.). Однако в реалиях социально-экономических потрясений, при ежегодном росте числа учащейся молодежи, государство не могло позволить себе обеспечивать даже минимальные потребности студентов. В период нэпа материальное положение большинства студентов резко ухудшается, так как студенты редко имели поддержку от родителей, оплачивали учебу, жилье, питание и бытовые нужды. Главным образом исследование базируется на письмах студентов «во власть», которые отражают широкий повседневный и эмоциональный спектр: настроения, переживания, отношение к власти и менталитет; проблемы, с которыми столкнулись студенты в результате трансформации образования и государства.

Ключевые слова: студент; материальное обеспечение; стипендия; общежитие; высшая школа; советская власть

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект 18-09-00289 А «Письма студентов «во власть» в Советской России 1920-х годов: научная подготовка комментированного издания».

Для цитирования: *Микуленок Ю.А.* Материальное положение студенчества в раннесоветский период // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2021. Т. 26, № 190. С. 184-190. DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-190-184-190

Abstract. We consider the financial situation of students of Soviet universities in the 1920s. The relevance of the study is due to the growing interest in the history of everyday life, in particular, soviet students in the 1920s. The main approaches to the study of this problem are the theories of psychological development, life world and social interaction. In the first decade after the October Revolution, a reform of higher education was carried out, in which the proletarian students were supposed to play the leading role, therefore, since 1918, financial assistance was provided to needy students (scholarships, rations, provision of places in hostels, etc.). However, in the realities of social and economic upheavals, with an annual increase in the number of young students, the state could not afford to provide even the minimum needs of students. During the New Economic Policy period, the material situation of the majority of students deteriorated sharply, since students

rarely had support from their parents, paid for their studies, housing, food and household needs. The research is mainly based on students' letters "to power", which reflect a wide everyday and emotional spectrum: moods, feelings, attitudes towards power and mentality; problems faced by students as a result of the transformation of education and the state.

Keywords: student; material support; scholarship; dormitory; higher school; Soviet authority

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research. Project 18-09-00289 A "Students' letters "to power" in Soviet Russia in the 1920s: scientific preparation of a commented edition".

For citation: Mikulenok J.A. Material'noye polozheniye studenchestva v rannesovetskiy period [The financial position of students in the early Soviet period]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2021, vol. 26, no. 190, pp. 184-190. DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-190-184-190 (In Russian, Abstr. in Engl.)

После Октябрьской революции советское правительство провело ряд преобразований в социально-экономической и политической сферах, в том числе и в сфере образования, которое должно было в кратчайшие сроки дать стране красных специалистов. Согласно Декрету СНК РСФСР от 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения», все лица, достигшие 16 лет, независимо от гражданства, социального происхождения и пола, имеют право поступить без взимания платы за обучение в высшие учебные заведения¹. Однако первые послереволюционные годы – один из самых тяжелых периодов Советской России: необходимо было восстанавливаться после потрясений начала XX века. Поэтому переход к новой системе образования проходил в условиях острого экономического кризиса, в условиях, когда государство было не готово взять на себя обеспечение возросшего числа высших учебных заведений и студенчества. Уже в 1922 г. во всех вузах, кроме педагогических и социально-экономических, вводилась дифференцированная плата за обучение [1, с. 198]. Так, рабочие, чья заработная плата в месяц равнялась 50–75 руб. в год, платили 25 руб., 76–100 руб. – 40 руб., 101–150 руб. – 60 руб.; крестьяне, которые жили только за счет сельского хозяйства, платили от 15 до 25 руб. [2, с. 140]. Стоит заметить, что от платы освобождались выпускники рабфаков, комсомольцы, красноармейцы, сироты и командированные. А.Ю. Рожков отмечает, что советская власть обрекла непролетарское студенчество на самовывживание и заставила платить за обучение. Во второй половине 1920-х гг.

¹ О правилах приема в высшие учебные заведения: декрет СНК РСФСР от 02.08.1918. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

оплата за обучение колебалась от 100 до 200 руб. в год в зависимости от материального положения родителей [3, с. 73].

В 1920-е гг. изменились учебные программы, методы обучения, сменился профессорско-преподавательский состав и открывались новые учебные заведения, в том числе и для национальных меньшинств [4, с. 106]. Теперь «путевки» в высшие учебные заведения получали и выходцы из крестьянско-пролетарской среды, которые были вынуждены покинуть родные места и уехать учиться в центральные вузы. Материально приезжие студенты, как правило, не были обеспечены.

В письмах «во власть» студенты постоянно жаловались на трудное материальное положение и отсутствие поддержки со стороны родственников, что вынуждало многих студентов покинуть альма-матер и вернуться домой: «Ввиду того, что я не имею никакой связи со своими родителями, так как они находятся в Акмолинской обл[асти] Каз[ахской] республики, то, естественно, я не могу получить материальной поддержки и в институте существую исключительно по стипендии, то прошу Комиссию не отказать в получении таковой, принимая во внимание вышеизложенное, а также и мою успеваемость (максимальная)»², «поддержки совершенно ниоткуда не имею, живу самостоятельно»³, «я нахожусь в бедном состоянии <...> положение мое очень плохое, бедственное»⁴.

Типичная ситуация, иллюстрирующая положение большинства советских студентов

² ГАВО (Государственный архив Воронежской области). Ф. Р-408. Оп. 1. Д. 46. Л. 31об.

³ ГАКК (Государственный архив Краснодарского края). Ф. Р-361. Оп. 1. Д. 2. Л. 35.

⁴ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-1235. Оп. 65. Д. 289. Л. 160-161об.

1920-х гг., рассказана рабфаковцем на страницах «Рабочей Москвы»: «Осенью этого года всех охватило какое-то стихийное желание учиться, учиться. Прошло с тех пор около четырех месяцев и... у многих курсантов пыл остыл. Главное – это необеспеченность рабфаковцев. На те жалкие гроши, что они получают, жить невозможно, и после долгого терпения рабочий бросает рабфак и снова становится за станок. Те же, которые пошли на вечерние курсы или на вечерние рабфаки, страдают из-за отдаленности рабфака от предприятия.

После 8 часов тяжелой работы надо медленно бежать на рабфак. Туда едва успеешь добежать к началу и возвращаешься оттуда в 11 часов усталый, разбитый, голодный. А тут еще надо уроки готовить к завтрашнему дню.

Нет и минуты передышки. Газеты в глаза не видишь. Потерпев такой рабфаковец месяц-другой и не выдержит. Бросит.

Нужно принять срочные меры по улучшению быта рабфаковцев. Мало разрешить заниматься, нужно дать возможность заниматься»⁵.

Приезжие студенты не были обеспечены ни жильем, ни одеждой, ни питанием, что нередко становилось причиной болезней [5, с. 196]. Учебная и общественная нагрузка, бытовые трудности жизнерадостных молодых людей превратили в переутомленных и эмоционально подавленных студентов. По внешнему виду студентов трудно было отличить от грузчика, паренька с рынка или от крестьянина. Одежда и обувь были изношены, руки в мозолях, лица бледные: «Я нахожусь в крайне тяжелом положении. Семья состоит из отца 60 л[ет], матери и 4 <нрзб> и меня. Но дома у меня был пожар, сгорело все, что давало возможность семье жить. <...> Сам я больной, полный упадок сил, как следствие резкого малокровия, которое доходит до головокружения. Больше месяца у меня легочный плеврит. Да меня, кажется, видели, одна кожа да кости, скоро придется отправить для практических работ в Мединститут»⁶. По данным Д. Ласса, более 20 % студентов имели слабое здоровье, более 65 % – удовлетворительное [1, с. 367]. Только в од-

ном рабфаке им. Покровского более 45 % студентов 1-го курса были больны. Студенты страдали малокровием, болезнями легких, неврологией [6, с. 38], тифом и венерическими болезнями: «Два года пребывания в сырой и темной комнате не остались для меня безнаказанными, и в результате у меня врач констатирует ревматизм и катаральный процесс в легких. Все это привело к тому, что моя работа свелась к минимуму, и в мае м[еся]це ректор Ин[ститу]та направляет в санаторий, но отпуском не могла восстановить, так как заболела малярией. Не оправившись от болезни, я в июле м[еся]це уехала в Гомель, и в течение летних месяцев медленно восстановилось мое пошатнувшееся здоровье»⁷; «прошу вас, товарищи, войти в мое положение и зачислить меня на стипендию, так как у меня острая материальная нужда. На моем иждивении находятся жена и дочь, грудной ребенок, а на пайке, который я получаю из рабфака, очень трудно существовать. Помощи я ниоткуда не получаю. Да и здоровье мое очень плохое. Во время зимних каникул мне пришлось лежать в больнице, где мне сделали операцию, и теперь мне, по заключению профессора Струтикова, можно есть только легкую молочную пищу, а это я не могу сделать, у меня нет средств. Все прошедшее время мне все время пришлось быть в Красной армии, в 1919 г. во время власти белых на Куб[ани] мне пришлось скитаться в красно-зеленой армии, где я и потерял здоровье»⁸.

Чтобы облегчить положение студенчества, с 1918 г. Совнарком стал оказывать материальную помощь нуждающимся студентам [7, с. 415] посредством государственных и частных стипендий. Государственные стипендии были разделены на несколько категорий: А – полное обеспечение, данная категория присваивалась командированным студентам, инвалидам Красной армии. Вторая категория – Б (частичное обеспечение) – полагалась студентам-медикам, техникам и агрономам, работающим или служащим студентам [6, с. 36]. Кроме государства, материальную помощь студентам оказывали профсоюзы, государственные организации и учреждения, кооперативы и частные организации.

⁵ Рабфаковец. Дайте возможность заниматься // Рабочая Москва. 1923. № 7 (279). С. 6.

⁶ ГАКК. Ф. Р-361. Оп. 1. Д. 3. Л. 137об.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 21. Д. 8. Л. 45об.

⁸ ГАКК. Ф. Р-361. Оп. 1. Д. 3. Л. 164.

Стипендия в первую очередь полагалась студентам, принадлежащим к пролетариату и трудовому крестьянству, академически успешным, талантливым и работоспособным. В состав стипендий входили: продовольственное (хлеб, мясо или рыба) и вещевое снабжение, общежития и денежные выдачи⁹. Ежегодно размер стипендий увеличивался, в 1924 г. стипендия московских и ленинградских студентов составляла 10 руб. и 8 руб. – в провинциальных вузах, однако данная стипендия не могла покрыть прожиточный минимум учащихся: «Довожу до вашего сведения, что я получаю госстипендию в размере 10 руб. золотом и временное жалование профессора Двойлацкого в размере 11 руб. зол[отом]. В результате целого ряда вычетов на общежитие, членские взносы и другие отчисления остается полтора червонца. За эти полтора червонца нужно одеться, кормиться, лечиться»¹⁰. Исследования бюджетов московских студентов показывают, что в среднем в месяц они тратили около 30 руб. на еду, комнату с коммунальными услугами, бытовые услуги, принадлежности для письма и проезд [6, с. 38].

Кроме того, только 60 % студентов получало государственную поддержку [8, с. 70], поэтому нередко студенты были вынуждены искать дополнительный источник доходов. Как показывают исследования положения студенчества, около 19 % студентов (объем выборки – 14 вузов с общим числом студентов 32520 человек) зарабатывали самостоятельно [9, с. 10]: «В 1922 г. занятия в связи с тяжелыми экономическими условиями были прекращены, и я выехал из гор. Краснодара в станицу Александровскую, где работал по проведению продналога до возобновления занятий»¹¹; «В феврале м[еся]це 1923 г. я перевелась из I МГУ, где я занималась на естеств[енном] отд[елении] физмата, совмещая занятия со службой»¹². В период нэпа даже сложились механизмы предоставления студентам временной работы. Так, в Омске при отделе народного образования существовал «стол труда для студентов», который подыскивал рабочие места. Студенты шли на

службу (машинистки, фельдшера, работники аптек, клиник, культурно-просветительских организаций и др.), разгружали вагоны, работали сторожами и учителями; зимой были заняты очисткой снега [10, с. 50], а летом – в сельском хозяйстве.

Не менее острой была и жилищная проблема. Данные исследований показывают, что только 17 % студентов были удовлетворены своими жилищными условиями. Нередко студенты жили в непригодных условиях, напоминающих больше ночлежные дома. Они вынуждены были ночевать в переполненных столовых, аудиториях и библиотеках, где размещались на грязном полу. Около 2 млн студентов вообще не имели никакой жилой площади, поэтому студенты ночевали на вокзалах, в вагонах, парках [1, с. 335]. 75 % московских студентов нуждались в квадратных метрах. 80 % студентов Самарского сельскохозяйственного института не имели отдельной комнаты [11, с. 75].

Часть студентов проживала в общежитиях (правом проживания в общежитиях пользовались лица, получавшие государственную стипендию, командированные партией, профсоюзами или комсомолом), в которых бытовые условия были далеко не идеальными. Так, в общежитии I МГУ не хватало коек, поэтому студенты спали на столах, досках или же на полу, который был усыпан обвалившейся штукатуркой и грязью [12, с. 5]. Студенты воронежского общежития вспоминают, что в 1922 г. в общежитии не было ни воды, ни отопления. В доме всего было несколько жилых комнат, в остальных не было рам, окон и дверей и даже части пола. Для отопления заводили печи-буржуйки, которые топили остатками рам, дверей и досками от соседних заборов [9, с. 37]. Кроме того, в общежитиях можно было встретить всякую живность – тараканов, вшей, блох, крыс, клопов и т. д. [1, с. 339]. В условиях «жилищного голода» на одного студента в среднем приходилось менее 3 кв. м жилой площади при санитарной норме Главпрофобра в 4,5 кв. м [9, с. 39].

Первый дом пролетарского студенчества Воронежского государственного университета занимал одно большое трехэтажное здание с 41 жилой комнатой, где в среднем на одного человека приходилось 4,59 кв. м. Все комнаты студентов по своей обстановке были

⁹ О государственных и частных стипендиях для студентов: декрет СНК от 26.05.1922. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ ГАКК. Ф. Р-361. Оп. 1. Д. 3. Л. 213.

¹¹ ГАКК. Ф. Р-346. Оп. 2. Д. 73. Л. 21.

¹² ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 21. Д. 8. Л. 45.

похожи друг на друга: вдоль стен стояли железные койки с матрасами, набитыми соломой, табуретки, столы, тумбы и вешалки.

На первом этаже размещалась общая кухня, которая занимала одну небольшую комнату и вмещала только две плиты, шкаф, полку и стол [9, с. 28].

Не лучшими были условия студентов Горной академии в Гольяновке, переоборудованной из 2 корпусов бывшей частной красильной фабрики.

Путь в общежитие был длительный и не совсем приятный: необходимо было доехать до окраины города, далее студенты шли узкой тропой вдоль грязной и зловонной речки Яузы по дощатым мостикам, которые затапливались после дождей.

Водопровод и канализация в общежитии отсутствуют. Жили студенты в больших и переполненных комнатах, где в ряд стояли кровати [13, с. 4].

Часто мест в общежитиях не хватало. В Саратове из 670 студентов только 40 было размещено в общежитиях. Как правило, в одной комнате размещалось от 10 до 70 человек [14, с. 49].

Так, на страницах журнала «Крокодил» описывается типичная жилищная ситуация, в которой оказалось большинство студентов в 1920-е гг.:

«– Нету местов, – говорит комендант.

– Так куда же я?

Помощник коменданта вспомнил:

– В зверинце у нас одна койка пуста! <...>

Повели его – видит, зверинец и есть! Пол каменный, грязный, из-под камней вода течет, по бокам перегородки деланы – точь-в-точь конюшни <...>.

Смотрит, кровать на чем держится, тыл без ножки, от окна ветром дует – стекло не вставлено»¹³.

Разумеется, такая обстановка приводила к психоэмоциональному дискомфорту, который напрямую отражался на чистоте в общежитиях. В комнатах было грязно, не убрано, вещи разбросаны, столы завалены бумагой, табаком, остатками еды, книгами и т. д. На окнах, потолке и в углах висела паутина. Пол был забросан окурками и покрыт пылью, а радиаторы служили пепельницами.

¹³ К-е. Рабфаковец // Крокодил. 1923. № 5 (35). С. 574.

Немногим лучше было положение на частных квартирах, которые стоили в несколько раз дороже, чем комнаты в общежитиях: «Как войдешь, сразу замечаешь неприглядность узкой и маленькой комнаты, почти лишенной мебели. В ней живут трое, иногда больше. <...> Два маленьких узких окна свет пропускают скудно, да и воздуха тоже не хватает. <...> Удобств для занятий нет никаких, мешает надоедливый шум со двора. <...> Санитарное состояние неважное: стены грязные, ободранные, дверь прямо на улицу. Зимой комнаты сыреют. Готовят еду и кипятки тут же, в комнате. Белье стирают и сушат тоже в ней».

Хотя за более высокую плату в данном секторе можно было найти более комфортные условия: «Комната большая, чистая и светлая, у каждого койка и маленький столик для занятий, над которым висит электрическая лампочка в 25 св.; венские стулья стоят вокруг большого стола. На стенах висят картины и портреты вождей, ученых и поэтов. Отапливается комната печью, всегда тепло и сухо. Едят в квартире хозяйки. Занятиям ничто не мешает, за исключением службы. На вопрос «Чем плоха квартира?» ответили: дорого, семь рублей с брата» [9, с. 40]. В среднем комната в общежитии обходилась студентам в 1,5–2,5 руб. в месяц, а частная комната – от 8 руб.

Не были студенты обеспечены одеждой и обувью. Нередко студенты были вынуждены занимать новое пальто или галстук для того, чтобы сходить в театр, на урок к ученику или на занятие [9, с. 44]: «В период сильных морозов, в дни похорон Ленина, мать моей жены разрешила мне надеть принадлежащую ей крытую мехом шубу, так как своей теплой одежды я не имею. Во время классных занятий шуба, находящаяся в моей комнате, была похищена. С момента хищения шубы в семействе начался ужасающий раздор. Последнее время положение мое становится безвыходным. Родные мои грубы, невежественны, требуют тем или иным путем возместить убыток. Шуба оценивается в 8 1/2 червонцев (восемь с половиной червонцев), такой суммы достать я не имею возможности, тем более что я не служу. На этой почве у меня, естественно, зарождается мысль о преступлении, пытался обратиться в некоторые из органов местной власти об ока-

зании мне материальной помощи, но всюду получаю отказ»¹⁴.

Таким образом, в первое десятилетие после революции в материальном плане сту-

денты не были обеспечены. Студенты, не имеющие поддержку со стороны родителей, были вынуждены просить помощь у молодого советского государства, которое физически не могло обеспечить всех желающих.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 60. Д. 99. Л. 224.

Список литературы

1. Рожков А.Ю. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. 640 с.
2. Ермошко А.Г. Изменение социального облика студенчества Петроградского/Ленинградского университета в первые годы советской власти (1917–1925) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2011. № 2 (16). С. 137-144.
3. Рожков А.Ю. Студент как зеркало Октябрьской революции // Родина. 1999. № 3. С. 68-74.
4. Панин Е.В. Материально-бытовые условия жизни студенчества интернациональных и национальных коммунистических университетов Советской России (1920–1930-е гг.) // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 165-168.
5. Синанов Б.А. «Новое студенчество» Северной Осетии в 1920-е гг.: выдвиженцы в вузах СССР // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-3 (64). С. 196-198.
6. Ушмаева К.А. Культура и быт преподавателей и студентов России в 1920-е годы // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2006. № 3-4. С. 34-40.
7. Амалиева Г. «Сочувствую РКП(б), так как она дала мне возможность учиться в вузе...» Социальная поддержка и контроль студентов Казанского университета в 1920-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. М., 2007. С. 414-428.
8. Стребкова Н.В. Материальное положение студентов саратовских вузов в 1920-е гг. // Клио. 2014. № 9 (93). С. 70-72.
9. Материальное положение студентов Воронежского университета / под ред. А.Н. Татарчукова. Воронеж, 1928. 57 с.
10. Жильков Д.В. Материально-бытовые проблемы студенчества сибирских вузов в 1920-е гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-1 (60). С. 50-51.
11. Петащенко Г.А. Быт советского студенчества на страницах молодежных изданий 1920-х – начала 1930-х гг.) // Российские и славянские исследования. 2010. № 5. С. 75-79.
12. Кассель Л. Где же будет жить вузовец нового приема // Известия. 1928. 27 сент. С. 5.
13. Овчаров А. Гольяновка // Известия. 1928. 2 авг. С. 4.
14. Коротин Ю.Н. Материальное положение национального студенчества в 1920-е годы (на материалах средней Волги) // Актуальные проблемы истории политики и права: сб. ст. 3 Всерос. науч.-практ. конф. Пенза, 2015. С. 47-52.

References

1. Rozhkov A.Y. *V krugu sverstnikov. Zhiznenny mir mladogo cheloveka v Sovetskoj Rossii 1920-kh godov* [In the Circle of Peers. The Life World of a Young Man in Soviet Russia in the 1920s]. Moscow, 2014, 640 p. (In Russian).
2. Ermoshko A.G. *Izmeneniye sotsial'nogo oblika studenchestva Petrogradskogo/Leningradskogo universiteta v pervyye gody sovetskoj vlasti (1917–1925)* [Changes in the social image of the student body at Petrograd/Leningrad University during the first goals of the Soviet regime (1917–1925)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya – Perm University Herald. History*, 2011, no. 2 (16), pp. 137-144. (In Russian).
3. Rozhkov A.Y. Student kak zerkalo Oktyabr'skoj revolyutsii [Student as a mirror of the October Revolution]. *Rodina* [Motherland], 1999, no. 3, pp. 68-74. (In Russian).
4. Panin E.V. *Material'no-bytovyye usloviya zhizni studenchestva internatsional'nykh i natsional'nykh kommunisticheskikh universitetov Sovetskoj Rossii (1920–1930-e gg.)* [Financial and living conditions of student community of international and national communistic universities in the Soviet Union in 1920–1930]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*, 2012, no. 3, pp. 165-168. (In Russian).
5. Sinanov B.A. «Novoye studenchestvo» Severnoy Osetii v 1920-e gg.: vydvizhentsy v vuzakh SSSR [The “new students” in North Ossetia in the 1920s: promotion candidates in the USSR institutes of higher educa-

- tion]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*, 2009, no. 4-3 (64), pp. 196-198. (In Russian).
6. Ushmayeva K.A. Kul'tura i byt преподавателей i studentov Rossii v 1920-e gody [Culture and everyday life of teachers and students of Russia in the 1920s]. *Golos minuvshego. Kubanskiy istoricheskiy zhurnal* [Voice of the Past. Kuban Historical Journal], 2006, no. 3-4, pp. 34-40. (In Russian).
  7. Amaliyeva G. «Sochuvstvuyu RKP(b), tak kak ona dala mne vozmozhnost' uchit'sya v vuze...» Sotsial'naya podderzhka i kontrol' studentov Kazanskogo universiteta v 1920-e gody [“I sympathize with the RCP (b), as it gave me the opportunity to study at a university...” Social support and control of students of Kazan University in the 1920s]. *Sovetskaya sotsial'naya politika 1920–1930-kh godov: ideologiya i povsednevnost'* [Soviet Social Policy of the 1920s–1930s: Ideology and Everyday Life]. Moscow, 2007, pp. 414-428. (In Russian).
  8. Strebkova N.V. Material'noye polozheniye studentov saratovskikh vuzov v 1920-e gg. [Living status of the students of Saratov higher education facilities in 1920s]. *Klio*, 2014, no. 9 (93), pp. 70-72. (In Russian).
  9. Tatarchukov A.N. (ed.). *Material'noye polozheniye studentov Voronezhskogo universiteta* [Financial Situation of Students of Saratov Universities in the 1920s]. Voronezh, 1928, 57 p. (In Russian).
  10. Zhilyakov D.V. Material'no-bytovyye problemy studenchestva sibirskikh vuzov v 1920-e gg. [Household and material problems of students in Siberian universities in 1920s]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*, 2008, no. 4-1 (60), pp. 50-51. (In Russian).
  11. Petachenko G.A. Byt sovetskogo studenchestva na stranitsakh molodezhnykh izdaniy 1920-kh – nachala 1930-kh gg.) [Life of Soviet students on the pages of youth publications of the 1920s – early 1930s]. *Rossiyskiye i slavyanskiye issledovaniya* [Russian and Slavic Studies], 2010, no. 5, pp. 75-79. (In Russian).
  12. Kassel L. Gde zhe budet zhit' vuzovets novogo priyema [Where will the student of the new admission live?]. *Izvestiya*, 1928, 27 September, p. 5. (In Russian).
  13. Ovcharov A. Gol'yanovka [Golyanovka]. *Izvestiya*, 1928, 2 August, p. 4. (In Russian).
  14. Korotin Y.N. Material'noye polozheniye natsional'nogo studenchestva v 1920-e gody (na materialakh sredney Volgi) [The financial situation of the national students in the 1920s (based on materials from the middle Volga)]. *Sbornik statey 3 Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nyye problemy istorii politiki i prava»* [Proceedings of the 3rd All-Russian Scientific and Practical Conference “Current Problems of the History of Politics and Law”]. Penza, 2015, pp. 47-52. (In Russian).

Информация об авторе

Микуленок Юлия Андреевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель. Российский государственный университет правосудия, Северо-Кавказский филиал, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: AK-bara@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4231-3016>

Поступила в редакцию 10.09.2020 г.
Поступила после рецензирования 08.10.2020 г.
Принята к публикации 27.11.2020 г.

Information about the author

Julia A. Mikulenok, Candidate of History, Senior Lecturer. The Russian State University of Justice, North Caucasian Branch, Moscow, Russian Federation. E-mail: AK-bara@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4231-3016>

Received 10 September 2020
Reviewed 8 October 2020
Accepted for press 27 November 2020